

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ВЕСЕ

ЖУРНАЛ
РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ
И КУЛЬТУРЫ

30

Санкт-Петербург
2018

ВЕЧЕ

**Журнал
русской философии
и культуры**

Выпуск 30. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018. – 300 с.

*Печатается по постановлению
Ученого совета Института философии
С.-Петербургского государственного университета*

Главный редактор

А. Ф. Замалеев

Заместитель редактора

А. Е. Рыбас

Редакционный совет

Н. И. Безлепкин (Военная академия связи, СПб),
А. И. Бродский (СПбГУ), **И. И. Евлампиев** (СПбГУ),
А. В. Малинов (СПбГУ), **Е. А. Овчинникова** (СПбГУ),
И. Д. Осипов (СПбГУ), **Е. Г. Соколов** (СПбГУ),
Л. Е. Шапошников (Нижегородский гос. пед. ун-т)

Версия журнала в Интернете: <http://philosophy.spbu.ru/1405/8737>

Адрес электронной почты: rusphil@mail.ru

Журнал издается с 1994 г.

© Редколлегия номера, 2018

© Авторы статей, 2018

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ П 1216 от 16 ноября 1994 г.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА

- А. Ф. Замалеев.* Любопытствующему о русской философии.
Письмо первое..... 5

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

- А. И. Бродский, Е. А. Овчинникова.* Идолы нравственного сознания.
Из истории «этических экспертиз» в России 8
- Чжан Синюй.* Концепция естественности жизни Льва Толстого
и ее литературная интерпретация 28
- Д. С. Попов, П. Г. Коршунов.* Особенности рецензий стоицизма в
русской религиозной мысли XII – начала XIX вв. 47

К ЮБИЛЕЮ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА

- Н. И. Безлепкин.* Проект «всеславянского» языка
Юрия Крижанича 56
- В. М. Дианова.* Идея славянского единства в воззрениях
Юрия Крижанича и ее последующие сторонники 68
- А. Е. Рыбас.* «Незаметная мудрость» Юрия Крижанича:
попытка актуализации 79

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

- И. Ю. Матвеева, И. И. Евлампиев.* Картина Н. Н. Ге «Тайная
вечера» и споры о религиозном искусстве 84
- Д. И. Крушинская.* Формирование культурной репутации городского
советского жителя в жанре путешествия в СССР 1920-х гг.
(на материале «Московского дневника» В. Беньямина).....101

ВОКАБУЛЯР РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

- С. И. Павлов.* Словарь философских терминов А. И. Герцена114

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

<i>А. В. Малинов.</i> «Порадейте обществу нашему»: религиозно-фило-софские собрания в письмах В. В. Розанова В. И. Ламанскому.....	152
<i>А. А. Шахматов.</i> Записка об ученых трудах заслуженного профессора Императорского С.-Петербургского университета В. И. Ламанского (публикация А. В. Малинова)	162
<i>В. М. Соловьев.</i> Идея всеславянского единства в освещении М. П. Погодина	169
<i>И. В. Демин.</i> Актуальное значение славянофильского социального консерватизма для понимания homo liberalis.....	184
<i>И. Ю. Пешперова.</i> Проект «В. И. Ламанский и академическое славянофильство в России в последней трети XIX в.». Итоги исследования	191
<i>С. А. Троицкий.</i> Позднее славянофильство и искусство	202
<i>В. А. Куприянов.</i> Ломоносоведение в творчестве В. И. Ламанского ...	218

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

<i>С. Г. Няръянен.</i> Карелианизм как механизм национальной идентификации народов Карелии и Финляндии.....	235
<i>О. Ю. Верпатова.</i> Социокультурное пространство в воззрениях Л. П. Карсавина и современность.....	246

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

<i>С. В. Ряполов.</i> «Человек вечный»: о философской антропологии архимандрита Феофана (Авсенева).....	252
<i>Е. О. Ковалева.</i> Преемственность культурных традиций в воззрениях Л. П. Карсавина.....	261

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

<i>Т. И. Галкина.</i> О книге Владимира Звизняцкого «Побеждающий страх смехом: Опыт реставрации собственного мифа Николая Гоголя» (Киев: Лыбидь, 2010)	267
--	-----

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ	270
------------------------	-----

SUMMARIES	278
-----------------	-----

АВТОРЫ НОМЕРА	285
---------------------	-----

CONTENTS	288
----------------	-----

В. А. Куприянов

ЛОМОНОСОВЕДЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ В. И. ЛАМАНСКОГО

Введение

Еще при жизни фигура Ломоносова вызывала споры и противоречия. Можно сказать, что образ Ломоносова стал своего рода камертоном российской культуры в ее отношении к собственной истории: деятельность Ломоносова вызывала споры и полярные трактовки на протяжении практически всей истории ломоносоведения. Причем зачастую понимание биографии Ломоносова обрастало мифологизированными интерпретациями и идеологически ангажированными трактовками¹, что в конечном счете мешало верно оценить его вклад в науку и в целом в русскую культуру. Чаще всего в этой связи обращают внимание на советский период, когда отношение к Ломоносову скорее проходило под знаком заголовка газеты «Правда»: «гениальный сын великого русского народа». Тем не менее и в дореволюционное время (XIX в.) видение деятельности Ломоносова оказалось не менее идеализированным и в целом было свободно от научной объективности в современном смысле этого понятия. В этом отношении представляет интерес подход к пониманию исторической роли Ломоносова, представленный В. И. Ламанским, известным славистом, видным славянофилом, профессором Санкт-Петербургского университета и академиком С.-Петербургской императорской академии наук (с 1900 г.). Данная статья ставит целью рассмотреть интерпретацию Ламанским образа М. В. Ломоносова и выявить те философские и общемировоззренческие основы, которые обусловили специфику его подхода к деятельности Ломоносова, а также в конечном счете определить роль ломоносоведения в становлении философско-исторических и научных концепций В. И. Ламанского. В первой части статьи, отталкиваясь от анализа библиографии работ В. И. Ламанского, мы рассмотрим его публицистические работы, вышедшие непосредственно в связи с ломоносовским юбилеем 1865 г., во второй же части мы обратимся к анализу биографического очерка о Ломоносове, который был составлен Ламанским несколько раньше юбилея, но также имел цель

¹ *Колчинский Э.И.* К пятилетию выхода в свет второго издания «Полного Собрания Сочинений» М. В. Ломоносова // Вопросы истории естествознания и техники. 2017. Т. 38. № 1. С. 94–115.

актуализации значимости фигуры Ломоносова перед предстоящим празднованием 200-летия со дня его смерти. Интерпретация Ламанского выделяется не только ярким романтизмом, но также и своей актуальностью для современной истории науки, поскольку в своих основных чертах она оказывается созвучной также и современному подходу к пониманию исторической роли Ломоносова. В статье будет показана близость с современным ломоносоведением основных положений интерпретации Ламанским образа Ломоносова.

В. И. Ламанский и ломоносовский юбилей 1865 года

Интерес к фигуре М. В. Ломоносова и в целом к истории русской науки составляет неотъемлемую часть творчества В. И. Ламанского. Особенно плодотворным на исследования в области истории русской науки оказался ранний период научной биографии Ламанского: конец 1850-х – 1860-е гг. Как можно видеть из приведенной в конце данной статьи библиографии, основные историко-научные интересы Ламанского лежали в области истории С.-Петербургской Академии наук (СПб АН). Проводя работу в архивах, Ламанский публиковал новые материалы по истории СПб АН, а также готовил исследования по отдельным сюжетам из ее истории. По большей части, исследования Ламанского выходили в 1860-х гг. в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете»: в этом издании Ламанский публиковал найденный им архивный материал, что соответствовало целям данного журнала. Помимо архивных публикаций Ламанский писал на эту тему и публицистику, к каковой можно отнести его статьи в газетах «День» и «Голос». Таким образом, к собственно научным работам Ламанского, посвященным историко-научной тематике, следует отнести его многочисленные архивные публикации, а также статьи в «Отечественных записках», в «Вестнике Императорского русского географического общества» и в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами» (1861). При этом статья в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами» может считаться первой работой Ламанского по истории Академии наук. Поэтому 1860–1861 гг. – можно выделить в качестве начального периода работы Ламанского в данной области, о чем он, кстати, непосредственно заявил в своей статье «Столетняя память М. В. Ломоносову»¹.

¹ Ламанский В.И. Столетняя память М. В. Ломоносову // Ламанский В.И. Геополитика панславизма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 831.

Основной же массив историко-научных работ Ламанского, как видно из библиографии, состоит из архивных публикаций (причем в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских» они выходили в основном без научного аппарата), а к исследованиям в собственном смысле слова относятся, прежде всего, его публикации по Ломоносову: творчеству Ломоносова посвящен биографический очерк, опубликованный в «Отечественных записках», а также известная в историографии по истории СПб АН работа «Ломоносов и Петербургская академия наук», содержащая пространные пояснения к архивному материалу о Ломоносове. В целом же следует отметить, что ядро публикаций Ламанского по истории СПб АН составляют работы по XVIII в., и именно исследования в области ломоносоведения формируют их главную составляющую. Поэтому ломоносоведение следует признать основной частью историко-научного наследия В. И. Ламанского. И в качестве дополнительного аргумента в пользу этого можно привести цитату из поздравительного адреса Академии по случаю 50-летия научной деятельности В. И. Ламанского (адрес обсуждался в экстренном общем собрании АН 13 декабря 1904 г.): «Известно, с какою любовью и надеждой Вы остановились перед личностью нашего великого Ломоносова: Вы посвятили ему, начиная с 1863 года, ряд статей и исследований, которые, мы надеемся, отразятся и на продолжающемся под Вашим руководством издании сочинений первого русского академика. Вы увидели Ломоносовский протест против захвата России средневековою Европой, Вы усмотрели в нем прообраз того будущего русского человека, перед которым только с 1861 года открылся путь развития и могущественного роста. И, конечно, в Ломоносове Вам дорога не одна его национальность, не одно русское происхождение: Вы подчеркнули его нравственное превосходство над многочисленными его врагами и с любовью остановились на его широкой русской натуре»¹.

Как видно из приведенного фрагмента, исследования в области ломоносоведения перекликались с общими философскими идеями Ламанского. Причем «ломоносоведческие штудии» позволяли Ламанскому рассмотреть историю СПб АН в целостном контексте истории русской культуры XVIII в. в ее отношении к западноевропейской цивилизации, что составляет ядро его философско-исторической концепции. В этой связи обращают на себя внимание две работы Ламанского – «Михаил Васильевич Ломоносов, биографический

¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 101. Л. 40.

очерк» (1863) и «Столетняя память М. В. Ломоносову» (1864), к которым примыкает изданная отдельной книгой комментированная подборка архивных материалов «Ломоносов и Петербургская академия наук» (1865). Все эти работы появились в связи с ломоносовским юбилеем 1865 года, в котором Ламанский принимал активное участие. Причем статья в славянофильской газете «День» непосредственно имела целью актуализацию необходимости празднования этого мероприятия. Позже Ламанский 7 апреля 1765 г. в зале Дворянского собрания принимал участие в торжественном обеде, на котором он произнес речь, затем напечатанную в газете «День» и в материалах юбилейных ломоносовских мероприятий¹. В своей речи Ламанский представил Ломоносова поборником русской самобытности, первопроходцем русской мысли и отцом отечественной литературы, отметив благотворную роль меценатов Ломоносова и высокие моральные качества русского ученого. Важным является сопоставление Ломоносова с западноевропейской культурной историей: для Ламанского Ломоносов предстает родоначальником самостоятельной русской культуры и тем самым его роль оказывается идентичной, например, роли Лютера для Германии. Сравнивая торжественную речь Ламанского с его статьей 1864 года в газете «День», П. Н. Берков верно указывал², что в данном случае Ламанский не претендует на некую «демонстрацию против немцев», как полагал А. В. Никитенко³, а, наоборот, стремится признать заслуги немцев в становлении русского просвещения, правда, добавляя при этом, что «глубокая благодарность России ожидает всех иностранцев, бескорыстно трудящихся в пользу ее просвещения»⁴ (то есть

¹ См.: *Мельников П.И.* Описание праздника, бывшего в С.-Петербурге 6–9 апреля 1865 г. по случаю столетнего юбилея Ломоносова. СПб: Тип. т-ва «Общественная польза», 1865. С. 21–22.

² См.: *Берков П.Н.* Ломоносовский юбилей 1865 г. // Ломоносов. Сборник статей и материалов. П. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 216–247.

³ См. запись в дневнике А. В. Никитенко от 13 марта 1865 г.: «Большая суматоха по случаю приготовления к празднованию столетия после смерти Ломоносова... В городе приготовляются тоже оvationи, в чем деятельно участвует Ламанский. Ему, главное, хочется этим насолить немцам, которых он смертельно ненавидит, и я начинаю бояться, что из овации Ломоносову выйдет демонстрация против немцев» (*Никитенко А.В.* Записки и дневник. В 3 т. Т. 3. М.: Захаров, 2005. С. 18.). См. также: *Никитенко А.В.* Записки и дневник. В 3 т. Т. 2. М.: Захаров, 2005. С. 248.

⁴ *Мельников П.И.* Описание праздника, бывшего в С.-Петербурге 6–9 апреля 1865 г. по случаю столетнего юбилея Ломоносова. С. 22.

полагая, что есть и такие иностранцы, которые поступают противоположным образом).

Тем не менее, А. В. Никитенко верно определил сущность позиции Ламанского относительно деятельности Ломоносова и в целом истории СПб АН. Лейтмотивом статьи Ламанского «Столетняя память М. В. Ломоносову» была мысль о немецком засилье в Академии наук. Ламанский указывает, что Академия состоит в основном из немцев и издает свои работы не на русском языке, а по большей части на западноевропейских языках, пополняя тем самым не русскую научную литературу, а иностранную, хотя Академия при этом существует на русские деньги. В этом отношении, полагает Ламанский, Академия наук не выполняет той изначальной цели, ради которой она была задумана Петром I – развивать русскую науку. Наоборот, Академия наук «своими немецкими изданиями едва ли не служит препятствием развитию строгой ученой деятельности в России и распространению нашего языка вне русских пределов»¹. Обращение к исследованию жизни и творчества М. В. Ломоносова послужило бы, по мнению Ламанского, средством русификации Петербургской Академии наук, то есть превратило бы ее из явления иностранной науки, имплементированной в русскую среду, в представителя русской научной культуры. Тем самым «будет исполнено завещание первого русского академика»².

Помимо празднования собственно юбилея Ломоносова, призванного актуализировать память о нем, а также издания серьезной биографии Ломоносова и полного собрания его сочинений с публикацией сохранившихся архивных материалов, касающихся деятельного русского ученого, Ламанский предлагает провести торжественное открытие памятника Ломоносову «на площади между университетом и академией»³ – проект, реализованный лишь в 1986 г. Также Ламанский выдвигает интереснейшую идею организации «*ломоносовского капитала*». По сути, это план создания организации, очень близкой по своим функциям к современным научным фондам, финансирующим фундаментальные научные исследования. Согласно плану Ламанского, необходимо было организовать по подписке сбор капитала, из средств которого финансировались бы исследования в области естествознания и филологии. «Главная цель

¹ Ламанский В.И. Столетняя память М.В. Ломоносову // Ламанский В.И. Геополитика панславизма. С. 835.

² Там же. С. 837.

³ Там же. С. 839.

и прямое назначение Ломоносовского капитала, – указывает Ламанский, – укрепить и усилить поныне слабый в русской литературе дух пытливости и самостоятельности»¹. То есть имеется в виду поддержка самостоятельных исследований на русском языке ради формирования в России собственной научной традиции. В проекте Ламанского имеется в виду создать частный фонд, который бы выдавал деньги на исследования, а также на стипендии молодым ученым. «Смотря по средствам, – пишет Ламанский, – это поощрение может состоять в наградах за лучшие ученые самостоятельные изыскания... в пособиях таким бедным молодым людям, которые по выходе из университета желали бы идти по ученой части и приготовить самостоятельное исследование для получения звания магистра»².

Таким образом, основной историко-научной идеей Ламанского является тезис о немецком засилье в СПб АН, из-за чего она отклоняется от первоначального замысла Петра I как учреждения, представляющего русскую науку. Ломоносов в этом контексте оказывается поборником русификации Академии, и обращение к его наследию не только раскрывает его борьбу с немцами, но также и служит стимулом для преодоления существующего неудовлетворительного положения в СПб АН. Важным аспектом интерпретации Ламанским истории Академии и роли Ломоносова является мысль о русифицирующей функции Академии: академия наук не только сама должна быть русской (состоять по преимуществу из русских ученых и издавать свои труды на русском языке), но также и должна способствовать распространению русского языка и утверждать его в качестве международного языка высокой культуры. Собственно, обе задачи оказываются взаимообусловленными. Роль Академии наук в качестве инструмента распространения культуры имеет значение в рамках концепции греко-славянского мира, которую Ламанский разрабатывал на протяжении всей своей творческой биографии; русский язык в данном случае понимается Ламанским в качестве основы единства народов греко-славянского мира в одном культурном и политическом целом под эгидой России. Наиболее полное выражение концепция греко-славянского мира как одного из геополитических пространств Евразии нашла в его главном историософском трактате «Три мира Азийско-Европейского материка»³. При этом Ламанский делал акцент на ненасильственном распространении

¹ Там же. С. 845.

² Там же. С. 842.

³ *Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892.

языка и основанной на нем культуры¹. Главным условием такого рода распространения является, по его мнению, собственное внутреннее культурное преобразование России². Россия должна провести внутреннее духовное преображение и сделать свой язык и свою культуру привлекательной для других народов греко-славянского мира, благодаря чему, оставаясь независимыми, они примкнут к единой политической и культурной целостности. В этом аспекте, стоит сказать, Ламанский был оппонентом Н. Я. Данилевского. Последний настаивал на том, что к единству славянского мира приведет не распространение языка и науки, а совместная борьба против Запада³, а результатом станет нечто большее, чем некий политический союз – славянская федерация со столицей в Константинополе. Ламанский решительно возражал против такого подхода, указывая, что «мысль об общелитературном языке всех славян и об избрании для сего языка русского не только не исчезла в славянском сознании, но, напротив, сделала в последние годы значительные успехи. Для окончательного торжества ее нужно рассеять различные недомыслия, очистить, освободить ее от всяких туманных представлений или политических мечтаний о федеративных союзах и *аннексациях*»⁴. Роль Академии наук понимается в данном случае по модели *мягкой силы*: Академия должна продвигать русскую науку и служить инстанцией, привлекающей к себе народы силой своей культурной активности. Именно в таком контексте (актуализация роли Академии наук как инструмента мягкой силы) Ламанский рассматривает празднование юбилея Ломоносова: если русские проявят интерес к своей собственной культуре, покажут ее достоинство и ее достижения, то и другие народы последуют за ними. Образ Ломоносова оказывается в данном случае одной из составляющих политики *мягкой силы*.

Сказанное позволяет заключить, что Ламанский рассматривает Ломоносова в качестве гения национальной культуры и представителя «русского национального начала» в науке. Таковой подход

¹ См.: *Малинов А.В.* Русская философия: исследования, история, историография. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. С. 17–51.

² *Ламанский В.И.* Кирилло-мефодиевская идея // *Ламанский В.И.* Геополитика панславизма. С. 635–642.

³ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Глагол; Изд-во СПбГУ, 1995. С. 365.

⁴ *Ламанский В.И.* Столетняя память М. В. Ломоносову // *Ламанский В.И.* Геополитика панславизма. С. 847–848.

вслед за современным философом науки Л. Дастон можно охарактеризовать термином «национальный стиль в науке», когда наука понимается в качестве элемента национальной идентичности¹. В соответствии с таким подходом, Ламанский интерпретирует роль Ломоносова как национального героя, открывшего путь русскому просвещению и в целом просвещению в греко-славянском мире (такой же была роль Лютера для немцев и Данте для итальянцев). Ламанский дает следующие характеристики Ломоносову: «великий подвижник русского просвещения», «величайший поныне деятель русской культуры», «образователь русского литературного языка», «отличный филолог и необыкновенно даровитый естествоиспытатель», «народный гений».

Характеристика Ломоносова как «народного гения» была полностью созвучна идее ломоносовских торжеств 1865 года, мотивом которых была следующая мысль: «С Ломоносова начинается самостоятельность русской науки. Имя Ломоносова – есть русское народное знамя в области мысли, слова, науки»². Однако ломоносовский юбилей 1865 года был лишь поводом, который позволил Ламанскому громко заявить о своих взглядах. Более детально образ Ломоносова как народного гения, происходящего из крестьянского сословия и отстаивающего русификацию науки, представлен в биографическом очерке, который был опубликован в «Отечественных записках», когда Ламанский был уже в заграничной командировке. Помимо материалов о Ломоносове («Ломоносов и Петербургская академия наук», 1863 г.), данный очерк является наиболее значимой работой Ламанского о Ломоносове. Хотя и нельзя сказать, что эта работа Ламанского была замечена и оказала серьезное влияние на ломоносоведение (как, например, работа «Ломоносов и Петербургская академия наук», которая заслужила положительный отзыв уже при жизни Ламанского³). Поэтому-то первой научной биографией М. В. Ломоносова считается работа П. П. Пекарского («История Императорской Академии наук», 1873 г.)⁴. Возможным объяснением такой точки зрения, глубоко укоренившейся в отечественной

¹ *Daston L.* The ideal and reality of the Republic of Letters in the Enlightenment // *Science in Context.* 1991. № 4. P. 367–386.

² Цит. по: *Берков П.Н.* Ломоносовский юбилей 1865 г. // *Ломоносов: Сборник статей и материалов.* II. С. 222.

³ См.: *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1873. С. 261.

⁴ См.: Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь / Сост. Э. П. Карпеев. М.: ОГИ, 2009. С. 267.

историографии истории науки, является по сути *презентистская* методология, которую применяет Ламанский при рассмотрении биографии Ломоносова: для него исторический материал о Ломоносове важен, прежде всего, в контексте современности, то есть в контексте реформирования современной для него Академии наук. Необходимость таковой реформы рассматривается Ламанским в качестве неотъемлемой части либеральных реформ его времени (1860-х гг.). Именно исследование биографии Ломоносова и в целом истории СПб АН его времени служит, считает Ламанский, побудительным мотивом для преобразования Академии, остающийся по-прежнему рудиментом «петербургского периода русской истории», на преодоление которого как раз и направлены реформы Александра II. Поэтому можно утверждать, что реформирование Академии наук Ламанский видит в качестве одной из политических реформ, а его историко-научные исследования имеют конечной целью практическое реформирование российских научных организаций. Соответственно, глубинным мотивом его историко-научных исследований следует признать *политический*.

М. В. Ломоносов как «гений русского просвещения»

Однако поскольку и юбилейная статья 1864 г., и выступление в зале Дворянского собрания были для Ламанского поводом для обращения к народному самосознанию славян, а биографический очерк 1863 г., в свою очередь, оказался своего рода призывом к реформе Академии на основе такого самосознания, можно утверждать, что этот подход является, прежде всего, проявлением *славянофильства*. И рассматриваемый биографический очерк оказывается важен, прежде всего, в таком контексте, поскольку славянофильский подход как к истории русской науки и образованности в целом, так и к трактовке образа Ломоносова наиболее нагляден именно в этой работе. Более этого, критика немецкого засилья в СПб АН и трактовка образа М. В. Ломоносова как «народного гения» является следствием славянофильской ориентации Ламанского. Поэтому в целом историко-научный подход Ламанского следует называть не только политическим, но, прежде всего, *славянофильским*. Соответственно, историко-научные исследования Ламанского можно признать *политическим славянофильством*. В данном случае мы сталкиваемся с проекцией славянофильства на историю науки: славянофильство как общая мировоззренческая позиция проникла в историю науки и стала тем методологическим каркасом, который определил интерпретацию истории Академии наук и понимание образов

основных русских ученых (М.В. Ломоносова). Поэтому если празднование юбилея Ломоносова 1865 года было лишь случаем для публичного высказывания Ламанским своих славянофильских взглядов, то указанный биографический очерк является работой, в которой выражены глубинные взгляды Ламанского на историю науки и в целом на русскую культуру. Речь, которую Ламанский произнес на празднике в честь Ломоносова выражает квинтэссенцию его взглядов; обоснование же его подхода представлено именно в биографическом очерке 1863 года.

Отметим основные положения интерпретации Ламанским образа М. В. Ломоносова в работе «Михаил Васильевич Ломоносов, биографический очерк». Ломоносов предстает в очерке Ламанского в качестве волевого и честного человека, проникнутого любовью к российским монархам (прежде всего к Петру I), пропитанным народным духом и подлинной православной верой, а также упорно ведущего борьбу против немцев и прочих иностранцев ради утверждения русской науки. При том, что таковой образ легко можно было бы прочитать через знаменитую уваровскую триаду, внимательное ознакомление с интерпретацией Ламанским образа Ломоносова позволяет выявить несколько иные истоки его видения образа первого русского академика. Выше мы упоминали о политическом смысле призывов Ламанского к реформированию СПб АН. В данном биографическом очерке несомненно видны также черты *славянофильского либерализма и романтизма*. Причем, как это ни странно, в своих основных моментах трактовка образа Ломоносова у Ламанского частично перекликается и современным подходом к пониманию вклада этого русского ученого.

Славянофильский подход к трактовке исторической роли и биографии Ломоносова наиболее проявляется в рассмотрении Ломоносова как представителя петербургского периода русской истории. В этом Ламанский следует традиции А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и И. В. Киреевского. Ламанский указывает, что этот период русской истории страдает односторонностью, а сам Ломоносов в своей деятельности воплощает глубинные противоречия, порожденные петровскими реформами. Суть односторонности петербургского периода заключается в нарушении отношений между государством и обществом. Следуя славянофильской традиции (К. С. Аксаков, А. С. Хомяков), Ламанский проводит различие между обществом и государством. Общество, однако, трактуется Ламанским совсем не так, как это было принято в западноевропейской политической традиции – то есть в качестве механического соединения ра-

циональных субъектов, поведение которых основывается на частном интересе. Общество для Ламанского, как и в целом для славянофилов, – это «земщина», или христианский мир с его общинностью. То есть это, прежде всего, культура, в основе которой лежат народные начала. Государство занимает по отношению к обществу служебную функцию. Если общество является источником самостоятельной экономической культурной жизни, то государство призвано защищать его, а также вносить в него элемент единства ради способствования естественному потоку общественного бытия. Ламанский пишет: «Защищая страну от внешних нападений, заступаясь за ее интересы во всех международных политических сношениях, внутри государство имеет своей главнейшей задачей рядом постепенных законодательных и административных мер уничтожать те внешние преграды, которые задерживают свободное развитие народа в отношении нравственности, умственном и материальном. Государство тем вернее исполняет свое назначение, чем внимательнее прислушивается к голосу земли, к общественному мнению, чем лучше и успешнее удовлетворяет живым потребностям народа»¹. Соответственно, общество и народ понимаются в качестве автономного целого, хранящего в себе начала просвещения. Деятели государства – это не более чем смелые и решительные люди, в то время как общественные деятели, не имеющие никакого влияния в государстве, являются подлинными выразителями народного духа². Именно в этом учении об отделении общества от государства, в признании самостоятельности общества и служебности по отношению к нему государства можно увидеть черты славянофильского либерализма.

Ламанский полагает, что Петр I нарушил это отношение между обществом и государством, придав своим реформам насильственный характер. Петр принудительно придал государству просветительские функции, свойственные обществу и тем самым оторвал просвещение и образованность от их народной основы. Таким образом высшие просвещенные слои русского общества оказались прорванты правительственным духом, потеряв связь с народом. Ламанский, как и все славянофилы, считает, что поэты, ученые, мыслители и прочие общественные деятели черпают силу у народа и являются выражением *народного духа* (volksgeist). Таковы Шек-

¹ Ламанский В.И. М. В. Ломоносов, биографический очерк // Отечественные записки. 1863. № 1. С. 259.

² Там же. С. 260.

спир, Данте, Лютер и другие гении. Они по существу являются национальными героями. Интересно, что Ламанский вводит также представление о бессознательности народной жизни. Он указывает, что «общественные деятели» приводят к сознанию то, что в народе протекает бессознательно – в его языке, бытие и верованиях. Ламанский пишет: «Свое общечеловеческое значение проявляют народы своими великими деятелями и находятся к ним в таком же отношении, в каком художники и мыслители к своим созданиям»¹. Акцент на народность, на иррациональность народного духа и понимание деятелей культуры в качестве национальных героев является ничем иным как проявлением романтизма. Поэтому подход Ламанского, как и в целом славянофилов, следует обозначить не только как либеральный, но также и как *романтический*. В интерпретации же петербургского периода как эпохи отрыва образованности от ее народных начал Ламанский следует непосредственно за А. С. Хомяковым².

Ломоносов выражает, с одной стороны, правительственную, «чиновную» сторону, характерную для петербургского периода и порожденной им образованности, а с другой, народность, истоком которой являются его крестьянские корни. Поэтому в Ломоносове совмещаются русская народность и западноевропейская образованность. Эта двойственность «естественно вытекала из того раздвоения, в которое неизбежно впадал каждый русский человек, соприкасаясь с тогдашней образованностью»³. При всей той идеализированности и том романтизме, которые присутствуют в трактовке Ламанским исторического образа Ломоносова, русский ученый верно определил основные черты творческой биографии Ломоносова, о которых пишут и в современном ломоносоведении. Так, Э. П. Карпеев отмечал, что Ломоносов «как человек, ученый и деятель культуры сложился под влиянием русской и немецкой культур»⁴, и в этом смысле в своем творчестве он совместил начала западной и русской средневековых культур. «Разлом», о котором пишет Ламанский,

¹ Там же. С. 261.

² См.: Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // Хомяков А.С. Всемирная задача России. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 549–574; Хомяков А.С. Мнение русских об иностранцах // Хомяков А.С. Всемирная задача России. С. 574–612.

³ Ламанский В.И. М. В. Ломоносов, биографический очерк // Отечественные записки. 1863. № 2. С. 465.

⁴ Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь / Сост. Э. П. Карпеев. С. 172. См. также: Карпеев Э.П. Русская культура и Ломоносов. СПб., 2005.

является, скорее, выражением этого синтеза западной науки с ее рациональностью и русской гуманитарной культуры, которая в большей степени сохранялась в народной среде.

Говоря о «народности» Ломоносова, Ламанский встает на позицию *географического детерминизма*¹: он подчеркивает значимость поморского климата и географии места, где родился Ломоносов, для формирования его характера и любви к природе. Ламанский полагает, что естествоиспытателем Ломоносов стал еще до прибытия в Москву, поскольку сельский мир и северорусская природа воспитали в Ломоносове тягу к познанию природы. Таковой подход в целом также находится в русле славянофильской философии. В этом контексте нужно упомянуть статью Ю. Ф. Самарина «Два слова о народности в науке», в которой видный славянофил призывает ученых строить свои научные изыскания на основе «живой струи народной жизни»². Хотя, конечно, теория географического детерминизма применительно к истории науки вряд ли себя оправдывает, поскольку никакой закономерности между географией места жительства и характером научного творчества установить пока не удастся.

Важной в интерпретации Ламанским образа Ломоносова является сквозная для всего творчества Ламанского мысль о едином славянском языке. Ламанский полагает, что Ломоносову «даже мелькала мысль об общем языке всех славян, по крайности православных»³. В этом свете Ломоносов предстает также и борцом за единство славян и продолжателем, как указывает Ламанский, Ю. Крижанича. Народная природа характера Ломоносова и народные истоки его научной деятельности обусловили также и его борьбу за русификацию академии наук и борьбу с немцами. В этом аспекте подход Ламанского также частично совпадает с современным⁴. В целом же для Ламанского Ломоносов оказывается национальным героем России, главная заслуга которого заключается в создании русского литературного языка⁵, что заложило основы рус-

¹ Нечто сходное впоследствии можно найти в теории евразийства, а именно теорию месторазвития.

² Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008 С. 438.

³ Ламанский В.И. М. В. Ломоносов, биографический очерк // Отечественные записки. 1863. № 2. С. 473.

⁴ Карпеев Э.П. Гигант российского просвещения // Наука в России. 2003. № 3. С. 14–16.

⁵ См.: Ламанский В.И. М. В. Ломоносов, биографический очерк // Отечественные записки. 1863. № 2. С. 460.

ской образованности и высокой культуры. Поэтому основной вклад Ломоносова в русскую науку – это импульс к самостоятельному научному творчеству. В этом аспекте мы можем также усмотреть актуальность подхода Ламанского. При том, что в целом Ламанский дает идеализированный и в чем-то даже мифологизированный образ Ломоносова, основная тенденция его трактовки, заключающаяся в утверждении вклада Ломоносова как творца самобытной русской культуры, воспринимающей новейшие достижения западноевропейской науки, также оказывается достаточно близкой к современному пониманию роли Ломоносова как *культурного героя*. «Главные заслуги Ломоносова, – пишут современные исследователи, – лежат вовсе не в сфере химии (хотя он сам считал себя в первую очередь химиком) или физики, но в том, что он был “культурным героем” России в противоречивую эпоху русского Просвещения и связанной с ним модернизации всех сторон отечественной жизни»¹. В этом отношении Ломоносов формировал культурное пространство для воспитания в России научного мышления, которого не было допетровское время. В русле этих усилий лежала та мощная образовательная (просветительская) деятельность, которую вел Ломоносов, и которая была столь важна для Ламанского. Поэтому-то при всем кажущейся нереалистичности образа Ломоносова у Ламанского следует отметить несомненную актуальность его оценки. Удивительным образом исследовательская установка Ламанского не помешала, а, наоборот, помогла ему верно оценить значимость и роль Ломоносова в русской культуре.

Заключение

В заключении отметим, что ломоносоведение можно считать важной вехой творческой биографии Ламанского. Обращение к творчеству русского академика позволило Ламанскому высказать свои мировоззренческие взгляды и стало важным этапом в становлении его философско-исторической и геополитической концепции. Если главным вкладом Ламанского в русскую культуру можно признать его концепцию трех миров Евразийского материка и концепцию греко-славянского единства на основе русского языка как языка культуры и науки, то важной ступенью в формировании его позиции стало обращение к истории русской культуры и истории науки. В этом отношении историко-научные исследования имели для

¹ Дмитриев И.С., Карпеев Э.П. Герой и мученик российского Просвещения // Журнал общей химии. 2011. Т. 81. № 11. С. 1767.

Ламанского значение, далеко выходящее за рамки собственно историографических интересов. Обращение к истории науки было в его понимании способом народного самопознания, а история науки превратилась в результате в сферу национального самосознания. В данном аспекте Ламанский оказывается предшественником будущих организаторов первых специальных историко-научных организаций (В. И. Вернадский)¹. Для Ламанского история науки оказалась опосредованной романтическим мировоззрением, о чем ярче всего свидетельствует трактовка истории в качестве инстанции, через которую дух народа осуществляет самосознание, или, говоря гегелевским языком, возвращается к самому себе и становится тем, что он по сути есть. Именно поэтому историчность оказывается здесь сферой национального самоопределения.

Специфика подхода Ламанского может быть усмотрена в акцентуации значимости не политики и государства, а науки и литературы как той части истории, которая определяет облик каждого народа. Характеризуя народную культуру, Ламанский обращает внимание на роль героической личности как двигателя истории. Именно таковым для него оказывается Ломоносов – выдающийся гений, который ведет народ вперед в его национальном развитии. Этот момент также свидетельствует о романтизме Ламанского, но также и позволяет отнести его метод к классическому типу историко-научного и историко-философского нарратива: методу «героизации научного прогресса», который был столь ограничен для истории XIX столетия².

Влияние славянофильского романтизма может быть усмотрено также и в акценте на независимости народной жизни от деятельности государства. Поэтому в целом историко-научный подход Ламанского следует идентифицировать в как *славянофильский романтизм*, который, тем не менее, позволил ему прийти к выводам, вполне отвечающим и современному знанию о Ломоносове. Это, как нам кажется, свидетельствует о непреходящей актуальности той, казалось бы, забытой и по-романтически завораживающей интерпретации, принадлежащей перу выдающегося ученого В. И. Ламанского.

¹ Смагина Г.И. Предисловие // Судьба проекта «Русская наука» 1916–1920 (К 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы. М.; СПб., 2016. С. 3–10.

² См.: Хагнер М. История науки // Наука и научность в исторической перспективе. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2007. 8–36.

Приложение

Список работ В. И. Ламанского по истории русской науки¹

1. О распространении знаний в России // Современник. 1857. Т. LVIII. № 5. С. 1–46.
2. Старинная русская картография // Вестник императорского русского географического общества. 1859. Ч. XXVII. Отд. II. С. 13–18.
3. Академия наук (Императорская, С.-Петербургская) // Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Т. II. 1861. С. 213–280.
4. Письмо княгини Е. Р. Дашковой к императрице Екатерине II (сообщ.) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1862. Кн. I. Отд. V. С. 171.
5. Материалы о Кулибине // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1862. Кн. I. Отд. V. С. 178–188.
6. М. В. Ломоносов, биографический очерк // Отечественные записки. 1863. № 1. С. 244–295; № 2. С. 460–509.
7. Столетняя память М. В. Ломоносову // День. 1864. № 37. С. 2–6; № 38. С. 4–7. (Отдельное издание – 1865).
8. Письма Шумахера и Эйлера о Ломоносове (сообщ.) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧтОИДр). 1865. Кн. II. Отд. V. С. 69–70.
9. Ломоносов и академия наук // Там же. Кн. I. Отд. V. С. 37–192. (отдельное издание – Ломоносов и Петербургская академия наук. М., 1865).
10. Речь, произнесенная на обеде, данном по подписке в память М. В. Ломоносова в Петербурге 6-го апреля 1865 г. // День. 1865. № 15.
11. Письмо Г. Ф. Миллера к Тобольскому Вице-Губернатору Бибикову 1739 г. // ЧтОИДр. 1865. Кн. III. Отд. V. С. 186–189.

¹ Составлен на основе «Нового сборника статей по славяноведению, составленного и изданного учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности» (СПб., 1905. С. XI–LVIII) и «Материалов для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук» (Ч. 1: А–Л. Петроград: Типография Императорской Академии наук, 1915. С. 384–405).

12. Письмо С. Я. Румовского в Академию наук 1761 г. (сообщ.) // ЧтОИДр. 1865. Кн. III. Отд. V. С. 190.
13. Краткая записка о Петербургской академии наук президента ее С. С. Уварова (сообщ.) // ЧтОИДр. 1865. Кн. III. Отд. V. С. 336–339.
14. Еврейская коллекция и Непременный секретарь Академии наук // Голос. 1866. № 77; № 78.
15. Академики Миллер и Фишер и описания Сибири (сообщ.) // ЧтОИДр. 1866. Кн. III. Отд. V. С. 15–30.
16. Донесение академика проф. Штелина в Следственную комиссию о Академии наук после 1742 г. (сообщ.) // ЧтОИДр. 1866. Кн. IV. Отд. V. С. 119–123.
17. Донесение Императрице об учреждении для малолетних детей при академической гимназии, Н. Г. Теплова – Краткое известие, по каким причинам учреждение ныне сделано при гимназии академической о воспитании малых детей и на каком основании, И. Тауберта (сообщ.) // ЧтОИДр. 1866. Кн. IV. Отд. V. С. 124–129.
18. Эйлерская переписка (сообщ.) // ЧтОИДр. 1866. Кн. IV. Отд. V. С. 130–133.
19. Директор Академии наук С.Г. Домашнев (сообщ.) // ЧтОИДр. 1866. Кн. IV. Отд. V. С. 134–184.
20. Директор Академии наук Е.Р. Дашкова (сообщ.) // ЧтОИДр. 1867. Кн. I. Отд. V. С. 9–53.
21. Доклады Имп. Елизавете Петровне презид. Академии наук гр. К. Г. Разумовского (сообщ.) // ЧтОИДр. 1867. Кн. I. Отд. V. С. 4–6.
22. Письмо проф. Делиля к А.П. Вольнскому (сообщ.) // ЧтОИДр. 1867. Кн. III. Отд. V. С. 54–56.
23. Письмо Тауберта к Козицкому и прошение его к Императрице о мызе и проч. (сообщ.) // ЧтОИДр. 1867. Кн. III. Отд. V. С. 4–8.
24. О смерти академика Гмелина в плену у одного горского кавказского владетеля. Донесение в академическую канцелярию студ. И. Михайлова и рисовальщика Ф. Баура (сообщ.) // ЧтОИДр. 1867. Кн. III. Отд. V. С. 11–16.
25. Мнение куратора Московского университета Шувалова о замечаниях комиссии на проектированный университетский устав (сообщ.) // ЧтОИДр. 1867. Кн. III. Отд. V. С. 103–106.